

Захочешь ты проступку вновь помочь:
Нѣтъ, поздно, другъ, твой будетъ трудъ
напрасенъ:
Обратно взоръ тебя отгонитъ прочь!...
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу, какъ во снѣ:
Никто со мной дѣлить не будетъ скуку;
Такихъ друзей не надо больше мнѣ:
Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье
Или ударъ печальной клеветы;
Но придетъ часъ: и будешь въ горѣ ты,
И не пробудится въ душѣ моей участіе!...

Эпиграммы.

I.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ сюртуками:
Пожуда новъ сюртукъ: въ чести—а тамъ
Забить и подаренъ слугамъ!..

II.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

III.

Поэтомъ [хоть и это бремя]
Пзъ журналиста быть тебѣ не суждено:
Ругать и лстить, и лгать въ одно и тоже
Признаться—очень мудрено!.. [время—

IV.

Г—ну П.

Аминтъ твой на глуща походить,
Когда за счастьемъ бѣжить;
А подъ конецъ такъ крѣпко спать,
Что даже сонъ другимъ наводитъ.

V.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все тоже,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ тропихъ избавь насъ, Боже!

VI.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь; понынѣ онъ
груститъ:
[Но не о томъ, что жизни другъ лишился]
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за ви-
зиту!

Къ Иос. Петр Грузинову.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной:
Ты музъ прилежный обожатель—
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы—женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

П а н ѳ.

въ древнемъ родѣ.

Люблю, друзья, когда за рѣчной гаснетъ
день,
Укрывшись дѣсовъ въ таинственную сѣнь;

Или, подъ вѣтвями пустынные рябины,
Смотрѣть на синія, туманные равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ
И пляшутъ вокругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкой хмѣль,
Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой
свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

Жалобы турка.

письмо къ другу иностранцу.

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными
Гдѣ роши и луга поблгшіе цвѣтутъ, [лучами
Гдѣ хитрость и безпечность злбѣтъ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,

И гдѣ являются порой

Умы и хладные, и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный
пламень

Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за утѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и кѣпей!
Другъ! этотъ край—моя отчизна!..

Къ NN.

Не играй моей тоской,
И холодной, и вѣмой.
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце [Богъ тому суды]
Жметъ невѣдомое бремя!
Я хладѣю и горю;
Самъ съ собою говорю;
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на бѣгъ рѣки,
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!
Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно; злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое споконить мщеніе.

Черкешенка.

Я видѣлъ васъ: холмы и нивы,
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухихъ народъ счастливый,
И правы тихой простоты!
Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ,—
Взоръ дѣвы сердце приковалъ;
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ, дальнихъ снлъ!..